

Архимандрит Сергей (Акимов)

«Нет ничего нового под солнцем»: проблемы толкования Еккл. 1:9–11

В статье рассматривается отрывок Еккл. 1:9–11, в котором подчеркивается, что в мире не происходит ничего нового. Этот отрывок отражает скептическое настроение Екклезиаста и рассматривается в статье в контексте Книги Екклезиаста, истории Вавилонского плена, а также в контексте древней литературы мудрости. Автор анализирует также христианскую и иудейскую традицию толкования Еккл. 1:9–11.

Ключевые слова: Книга Екклезиаста, литература мудрости, иудаика, библейская экзегетика, Вавилонский плен.

Что было, то и будет (מִה־שֶׁהָיָה הוּא שֶׁיְהִיָּה), что делалось, то и будет делаться (וּמִה־שֶׁנַּעֲשֶׂה הוּא שֶׁיַּעֲשֶׂה), и нет ничего нового под солнцем (וְאֵין כֹּל־חֵדָשׁ תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ). Бывает вещь (или: слово, нечто), о которой говорится (יֵשׁ דְּבַר שֶׁיֵּאמַר): посмотри – это новое; но это уже было в веках, бывших прежде нас (רְאֵה־זֶה חֵדָשׁ הוּא כְּבָר הָיָה לְעַלְמִים אֲשֶׁר הָיָה מִלְּפָנֶינוּ). Не вспоминают как о прошедших, так и о последующих, что будут (שֶׁיִּהְיוּ) как о прошедших, так и о последующих, что будут (אֵין זְכוּרוֹן לְרֵאשִׁיטִים וְגַם לְאַחֲרֵיטִים). Не вспоминают как этих, так и тех, что будут после (לֹא־יִזְכְּרוּ לָהֶם זְכוּרוֹן עִם שֶׁיִּהְיוּ לְאַחֲרֵינָהּ)» (Еккл. 1:9–11)¹.

Архимандрит Сергей (Акимов Виталий Викторович) – доктор богословия, профессор, ректор Минской духовной академии, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры (Москва) (luhot_ru@mail.ru)

¹ Здесь и далее цитаты из Книги Екклезиаста даются в авторском переводе с еврейского языка по изданию: Biblia Hebraica

В христианском Священном Писании, объединяющим две неравные по объему части, которые получили название Ветхий (Старый) Завет и Новый Завет, мы явно сталкиваемся с оппозицией *старого* и *нового*. Причем это *старое*, при всей особой значимости *нового*, не отмечается. Церковь еще в первые века отбросила соблазн отвергнуть ветхозаветное писание, осудив учение Маркиона. Диалектика *старого* и *нового* налицо и в проповеди Божественного Основателя Христианства, Который прямо сказал своим ученикам о том, что Он пришел не нарушить закон или пророков, но исполнить (Мф. 5:17). И уже первые христианские проповедники, оставившие после себя тексты, вошедшие в канон Нового Завета, постоянно проводят в этих текстах мысль о том, что рождение, служение, проповедь, страдания и смерть Иисуса стали исполнением *старых* пророчеств, а Сам Иисус является обетованным в *старых* Откровениях Христом, Помазанником, Мессией. Участь апостолов свидетельствовала о том, что *новое* не принималось с легкостью.

И в самом Ветхом Завете есть книга, в которой по особому проявляется оппозиция *старое-новое*, Книга Екклесиаста. Эта книга, для которой характерен внутренний диалогизм, придающий ее содержанию противоречивый характер, вызывала споры о ее каноническом достоинстве. Этот диалогизм затрагивает кажущиеся незыблемыми традиционные *старые* представления о воздаянии и страдании, о связи успеха в жизни с соблюдением правильных предписаний. Традиционному *старому* взгляду автор противопоставляет *новый* скептицизм, опирающийся на грубую правду жизни, отрезвляющий опыт, свидетельствующий о том, что успех в делах далеко не всегда зависит от праведности и мудрости человека, что страдания не всегда посещают человека в качестве наказания за беззаконие, что с позиции земной человеческой мудрости вся жизнь и деятельность человека в контексте неминуемой смерти едва

Stuttgartensia. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. Цитаты из других книг приводятся в Синодальном переводе по изданию: Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2013.

ли имеет какой-то смысл. И то, что Книга Екклесиаста закрепились в священном каноне, свидетельствует о том, что отраженная в ней диалектика *старого* и *нового* имеет особое значение для постижения человеком реалий наполненного противоречиями окружающего мира, для осознания своего места в этом мире и значимости для каждого человека веры в Бога как гаранта стабильности, порядка и всякого смысла.

В Книге Екклесиаста мы имеем ряд высказываний, которые прямо касаются проблемы оппозиции *старого* и *нового*. Но и помимо этого, общее содержание книги косвенно говорит о взаимодействии *старого* и *нового* – традиционных представлений о воздаянии и правды жизни о страданиях праведников и мудрых; *старой* заповеди о труде и осознания бессмысленности всякой человеческой деятельности в перспективе неминуемой смерти; древней межнациональной традиции мудрости и *новых* тем мудрости библейской.

Общее содержание отрывка. Еккл. 1:9–11 в контексте первой главы

Проблематика *старого* и *нового* встречается уже 9–11 стихах первой главы Книги Екклесиаста, являющихся частью фрагмента, в котором автор обращает внимание читателя на всеобщий круговорот, характерный для мира природы. В предисловии к учебному изданию Библии в переводе РБО данный отрывок, включающий с 4 по 11 стих, имеет заголовок «Круговорот и неизменность мира и истории»¹. Этому большому фрагменту предшествует надписание книги и рамочное высказывание о тщетности всего в этом мире (которое повторяется и в конце последней главы), упоминающие об авторе в третьем лице, а также риторический вопрос о смысле всех трудов человека, который обнажает одну из центральных проблем Книги Екклесиа-

¹ Библия. Современный русский перевод. Учебное издание / Пер. с древнеевр., араб. и древнегреч. М.: Российское Библейское общество, 2017. С. 1229.

ста. После фрагмента расположено авторское обращение от первого лица.

В начале книги перед глазами читателя разворачивается величественная картина огромного холодного мироздания. На фоне этой безучастной к человеку круговерти сам человек кажется мелким, незначительным, едва заметным существом. И хотя за всем этим отлаженным механизмом Вселенной читатель Библии может угадать присутствие Бога, имя Бога в начале книги, тем не менее, не упоминается (встретится оно впервые только в 13 стихе, в словах со скрытым упреком, а далее – только в конце второй главы). Так что читатель невольно начинает ощущать себя одиноким и потерянным. Общее скептическое настроение автора преобладает в первой и в значительной части второй главы. С учетом этого настроения следует воспринимать и рассматриваемые стихи (Еккл. 1:9–11).

В мире происходит бесконечное круговращение: приходят и уходят поколения людей, восходит и уходит солнце, поспешая впопыхах к очередному восходу, идет и кружится ветер, возвращаясь на круги своя, идут к морю потоки, возвращаясь к своему исходному месту, чтобы снова идти. И на фоне этого природного круговорота, или шествия автор подчеркивает мысль о том, что и в мире людей, под солнцем, нет ничего нового, все, что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться. Нет ничего нового. И даже то, что кажется таковым, таковым не является. Новое кажется новым только потому, что в мире царит забвение. Все было и будет предано этому забвению, со временем будет забыто не только прошлое, но и будущее. Так автор книги усиливает безнадежно грустное восприятие этого мира читателем.

В дальнейшем на общем фоне этого неизменного, стабильного в своих круговращениях мира автор обратит внимание на царящую в этом мире несправедливость. И это еще больше усилит его печальное восприятие мира. Ведь если мир так несправедлив, то у человека не остается никакой надежды на его улучшение и, тем самым, на улучшение своего положения «под солнцем». Получается, что этот мир, который сотворен премудро и получил положительную оценку от своего Творца (Быт. 1:4, 10, 12, 18,

21, 25, 31), далеко не всегда хорош и удобен для человека. В книге звучит неприятная правда об испорченности этого мира и человека. Можно обратить внимание на то, что в ветхозаветных книгах еврейской Библии мы не встретим сетований по поводу греха Адама, который повредил изначально благую картину мироздания. Однако в Книге Екклезиаста есть намек на то, что в испорченности виноват сам человек, которого Бог изначально сотворил правым (Еккл. 7:29).

Скептические рассуждения первой главы могут привести читателя к выводу о том, что все на этой земле предсказуемо – и природные процессы, и события, которые протекают в мире людей. Однако в ряде дальнейших рассуждений автор книги будет подчеркивать непостижимость для человека замыслов Божиих по причине ограниченности человека. Тема ограниченности человека звучит и в этом отрывке. Человек не может ни сказать ничего нового, ни сохранить в своей памяти события прошлого.

В своем скептическом настроении автор Книги Екклесиаста не видит для человечества никакой перспективы и никакой надежды на развитие. Нет ничего нового, все остается на своих местах. Неизменно совершается природный круговорот, также неизменно происходит и смена поколений, а со сменой поколений приходит и забвение прошлого. В Еккл. 9:5 он еще раз подчеркнет, что память об ушедших людях предается забвению. Смерть служит всему пределом, она поглощает и память, и плоды трудов, она обесмысливает все события и человеческой жизни, и жизни природы.

Еккл. 1:9–11 в контексте дальнейших рассуждений автора Книги Екклесиаста о всеобщем забвении и повторении

Автор Книги Екклесиаста, начиная свое сочинение с изображения круговращений мироздания, словно увлекаясь окружающей его зацикленностью, выстраивает свои размышления по спирали, постоянно возвращаясь к одним и тем же темам и проблемам. Поэтому в Книге Екклесиаста

мы еще неоднократно встретим мысли о повторении земных реалий и о человеческом забвении.

«Нет ничего нового под солнцем», – говорит Екклезиаст, а это значит, что все, что кажется новым, является всего лишь повторением старого. Новое – это забытое старое, поэтому новое едва ли может отличаться от старого. В той или иной форме эта мысль повторяется в книге не менее пяти раз – Еккл. 1:9-10; 2:12; 3:15; 6:10; 7:10. В четырех случаях встречаются выражения со словом כָּבַר, «уже»: «уже было», «уже сделано», «уже названо». В Еккл. 7:10 хотя и нет этого слова, но упоминаются «прежние дни». Для этих мест характерно общее скептическое настроение автора книги.

Еккл. 1:9–10	Еккл. 2:12	Еккл. 3:15	Еккл. 6:10	Еккл. 7:10
«Что было, то и будет (הָיָה וְהָיָה), что делалось, то и будет делаться (שָׁעָשָׂה וְשָׁעֵשֶׂה), и нет ничего нового под солнцем (תַּחַת הַשָּׁמַשׁ). Бывает вещь (или: слово, нечто), о которой говорится (וְאֵין כְּלִי-חֵדָשׁ): посмотри – это новое; но это уже было в веках, бывших прежде нас (אֲשֶׁר הָיָה מִלְּפָנֶינוּ) כבר הָיָה לְעֵלְמַיִם זֶה חֵדָשׁ הוּא (ראו)»	«Ведь что (может сделать) человек, который придет после царя (т. е. наследник, преемник), того, что уже не было сделано им? (כִּבְרַת עֲשִׂוּהוּ) אֶת-הַמֶּלֶךְ אֵת אֲשֶׁר שָׁבִיאוּ אַחֲרָיו (כִּי מִה הָאָדָם)»	«То, что уже было , то и есть, и то, что будет, то уже было ; но Бог отыщет прошедшее (אֶת-נִרְדָּף) יִבְקַשׁ וְהֵאֱלֹהִים כִּבְרַת הָיָה וְאֲשֶׁר לְהוֹיָת כִּבְרַת הוּא (מִה-שָׁהִיָּה)»	«То, что есть, уже названо своим именем, и известно, каков человек (הוּא אָדָם) וְנִרְדַּע אֲשֶׁר נִקְרָא שְׁמוֹ שָׁהִיָּה כִּבְרַת (מִה), и не сможет он судиться с Тем, кто сильнее его (מִמֶּנּוּ) (שִׁתְּקוּף) עִם שִׁתְּקוּף יִוִּכַל לָדוֹן (וְלֹא)»	«Не говори: почему прежние дни были лучше, чем эти (מֵאֲלֵהוּ) הֲיִי מוֹבִיטִים תְּרַאשׁוּנִים הֲיָה שְׁהִיָּמִים תְּחַאמְרוּ מִה (אֵל)? Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом (עַל-זֶה) שְׂאֵלָת לֹא מִחִכְמָה (כִּי)»

В каждом из отрывков, выражающих мысль, впервые сформулированную в книге в 9 стихе первой главы, мы видим новые грани этой мысли, которые выявляются новыми контекстами.

В Еккл. 2:12, подчеркивая значимость своих свершений, полноту своих деяний, автор свидетельствует, что что все будущие цари не смогут сделать ничего такого, чего бы ни сделал до них он сам.

В Еккл. 3:15, расположенном после знаменитого гимна мигу, констатирующем (в параллель к 4–7 стихам первой главы) упорядоченность, свойственную для событий человеческой истории, автор напоминает, что и эта упорядоченность связана со всеобщим круговоротом, что после рождения и смерти, мира и войны, сева и жатвы и т. д., следует очередное рождение, умиротворение, сев и т. д. Одновременно этот же стих намекает и на Божественный суд, о котором сообщается в последующих стихах, где мы видим противопоставление этого праведного суда нечестивому человеческому суду.

В Еккл. 6:10 автор напоминает о неизменности человеческой природы, ограниченности и слабости человека по сравнению с его Творцом: каким был человек, таким и остался.

Наконец, Еккл. 7:10 разрушает человеческие иллюзии о том, что в прошлом человеческой истории был некий «золотой» век благоденствия, а современные проблемы являются чем-то новым, неведанным ранее.

Кроме того, о природном круговороте, непосредственно затрагивающем человека, говорится и в самом конце книги: «И возвратится прах в землю, которой он был (וְשָׁבָה הָאֲדָמָה אֶל־הָאֲדָמָה), а дух возвратится к Богу, Который его дал (וְרוּחַ הַחַיִּים אֵל־הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר נָתַתָּה)» (Еккл. 12:7). Человек был сотворен из праха, в прах он и вернется. Подобным образом вернется к Богу и дух человека. Однако на смену одним поколениям, все равно придут другие.

Иными словами, при всеобщем круговороте настоящее ничем не отличается от прошлого, так же как и будущее будет ни лучше и не хуже современной ситуации. И если человеку кажется, что настоящее отличается от прошлого, и что настоящее или будущее может принести нечто новое,

то это только по причине человеческого неведения, по причине забвения прошлого. Об этом говорит 11 стих первой главы.

Мысли о забвении также повторяются в различном контексте во всей Книге Екклезиаста: Еккл. 1:11; 2:15–16; 4:13–16; 8:10; 9:4–5; 9:15–16. Во всех этих отрывках повторяются слова о воспоминании или забвении. Все в этом мире будет предано забвению, забудут всех – и праведников, и грешников, и мудрых, и глупых, смерть покроеет все забвением, но и при жизни забвение постигает простых людей, пусть даже они и отмечены мудростью и могут принести немалую общественную пользу.

Еккл. 1:11	Еккл. 2:15–16	Еккл. 4:13-16	Еккл. 8:10	Еккл. 9:4–5	Еккл. 9:15–16
« Не вспомнят как о прошедших, так и о последующих, что будут (שִׁיתִי לְאֲחֵרִים וְגַם לְדֹאשְׁנִים וְגַם לְדֹאשְׁנִים (אִין וְזָרוֹן). Не вспомнят как этих, так и тех, что будут после (לְאֲחֵרֵי עַם שִׁיתִי לָהֶם וְזָרוֹן (לֹא יִזְכְּרוּ)»	«Одно и то же произойдет как с глупым, так и со мной (גַּם אֲנִי יִקְרָנוּ כְּמִתְקָה). И зачем тогда я стал самым мудрым? אֲנִי אִין יוֹתֵר חֲכָמָתִי (וְלִמָּה). Ведь не будет воспоминания и о мудром, и о глупом в веках: в те дни, что уже грядут, все забу-	«Лучше бедный и мудрый юноша (וְחָכָם טוֹב יָלֵךְ מִסֹּפֵן), чем старый и глупый царь (מִמֶּלֶךְ זָקֵן וְכִסֵּל), который видел немного наставлений (или: не слушал советов) (לֹא יִרְעֶה לְהִתְהַר עוֹד) (אֲשֶׁר), потому что он из тюрьмы вышел царствовать (הַסּוּרִים יִצֵּא לְמִלְכָּה) (כִּי־מִבֵּית הַצָּרְוֹת), хотя в царстве того родился бедным (נולד רָע) (כִּי גַם בְּמַלְכוּתוֹ). Я видел всех живых, ходящих под солнцем (תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) כָּל־הַחַיִּים הַמְּהַלְכִים תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ (רְאִיתִי אֶת גִּימְתוֹ) юношей	«И потом я видел как хоронят нечестивых (רְשָׁעִים קְבָרִים) (כִּי־מִי רְאִיתִי וְנִבְכָּן), и приходят, и от святого места уходят (וְהִלְכוּ) (קְדוֹשׁ וּמְקוּמוֹ) (וְנִבְאוּ), и будут забыты в городе, в котором они так делали (כִּי־עָשׂוּ)	«Тот, кто среди всех живых, имеет надежду (בְּשָׁחוֹן) כָּל־תְּחִיַּים יֵשׁ אֵל (וְיִחְבֵּר) אֲשֶׁר יִבְחַר (כִּי־מִי), ведь живой собаке лучше, чем мертвому (הַמֵּת) לִבְחֹר מִן־הָאֲחֵרִים (כִּי הוּא טוֹב כִּי־לֹא־לָבֵב), ведь живые знают, что они умрут, а умершие не знают ничего (מֵאוּמָה) אֲנִים יוֹדְעִים וְהַמֵּתִים יוֹדְעִים שִׁמְתוֹ	«Н о люди не вспомнили этого бедного человека (הוּא) הַמִּסְכָּן אֲחֵרֵי־אִישׁ לֹא יִזְכְּרוּ (וְאָדָם). И я сказал – я сам: мудрость лучше силы (מִגְבוּרָה) חֲכָמָה אֲנִי טוֹבָה (וְאֲמֵרָתִי), но мудрость бедного пренебрегается, и его слов

	<p>дется הכל נשכח תנינים הבאים בשכר לעולם עם הכסיל זכרון להקם (כי אין אין). Увы! Умрет и мудрый, и глупый (עם הכסיל) ימות הקדם (ואין)»</p>	<p>(עם הילך השני), который по- явился после того (יעמד תחתיו) (אשר). Нет конца всему народу, всему, что был перед ними (אשר היה לפניהם) רקון לכל העם לכל (אין), но после- дующие (поко- ления) (האחרונים) (גם) не будет веселиться им (юношей) (בו- לא ישמחו)»</p>	<p>בעיר אשר (ושמתחו). Это снова пустота (זה הכל) (גם)»</p>	<p>(כי החיים), и нет им больше воздая- ния, по- тому что забыта их па- мять (נשפח זכרם) להם שקר כי (ואין עוד)»</p>	<p>не слу- шают (נשמעים) איןם ידבריו בזויה המסכן (וקבמת)»</p>
--	--	--	--	--	--

В Еккл. 2:15–16 смерть и последующее забвение, которое постигает всех людей – и мудрых, и глупых, становится основанием для скептического отношения к мудрости и стремлению обрести мудрость.

В Еккл. 4:13–16 автор сравнивает глупого царя и мудрого бедняка, который, выйдя из темницы, занял царское место. Сначала автор подчеркивает превосходство мудрого бедняка, но потом приходит к осознанию того, что будущие поколения забудут успешного мудрого юношу.

Фрагмент Еккл. 8:10 может иметь двойное прочтение. С одной стороны, в нем может говориться о забвении, которое постигает грешника после его смерти. И тогда здесь нет скепсиса, а есть утверждение традиционного взгляда во воздаяние. С другой стороны, речь может идти о нечестивых, которые восхваляются и при жизни, и после своей смерти. В этом случае автор настроен скептически. Но при этом исчезает тема забвения, связующая этот стих с другими указанными стихами.

В Еккл. 9:4–5 говорится о преимуществе живых над мертвыми, потому что мертвые исчезают в забвении, память о мертвых забыта, а сами они теряют всякую надежду.

В Еккл. 9 автор, признавая, что мудрость лучше силы, вынужден констатировать, что мудрость бедного игнори-

руется, а о самом бедняке не вспоминают, хотя этот бедняк может и спасти в критической ситуации.

Как и в случае с темой предшествующего стиха, тема забвения, отраженная в обозначенных местах книги, преимущественно связана с общим скептическим отношением автора к окружающей реальности.

Читатель подводится к мысли о том, что человеческая мудрость сама по себе способна привести человека в тупик, способна привести к осознанию полной бессмысленности мира, жизни человека в этом мире и всякой активной деятельности. При размышлении над подобными строками у читателя возникает протест против этого безнадежного круговращения, в котором теряется ценность отдельно взятой человеческой жизни, в котором сложно найти справедливость, в котором все покрывается забвением. Возникает желание разорвать этот порочный круг, узреть новую надежду, надежду на справедливый суд и на жизнь вечную. Это новое явлено в книге как надежда. Но ясно и во всей полноте это новое прозвучит в евангельской проповеди.

Еккл. 1:9–11 в контексте Вавилонского плена и послепленной эпохи

Книгу Екклезиаста обычно датируют послепленным периодом истории Израиля. О позднем ее происхождении свидетельствует сам язык книги. В этой связи вполне уместно сопоставить ее скептические высказывания о том, что нет ничего нового под солнцем, лишаящие надежды на прогресс и какое-то улучшение в будущем, сопоставить с реалиями послепленного времени, когда еврейский народ переживал как надежды на возрождение, так и разочарование от невозможности быстрого исполнения этих надежд.

Скептицизм Книги Екклезиаста можно рассматривать в качестве ответа на протоапокалиптические настроения этой эпохи с их ожиданием кардинального изменения положения вещей через непосредственное вмешательство Бога в ход исторических событий. На это, например, обращает внимание в своем комментарии Сиу, который видит в Еккл. 1:9–11 полемику с той апокалиптикой, которая отра-

жена в словах Исаяи Второго о том, что в скором времени Бог возвестит нечто новое, которое исполнится так же, как исполнилось возвещенное ранее (Ис. 42:9), что изгнанники не должны вспоминать прежнее, потому что Бог сотворит новое (Ис. 43:18–19), что Бог уже совершил новое и сокровенное, о чем никто не слышал и не знал (Ис. 48:6)¹. Вместе с тем, слова Исаяи говорят не только о том, что Бог совершит нечто новое, но и о том, что всеведущий Бог знает все наперед, Он с самого начала говорит о том, что будет в конце (Ис. 46:10).

Тот же Сиу обращает внимание и на других пророков эпохи плена и возвращения, которые возвещали о приходе чего-то нового, о новом сердце и новом духе (Иез. 36:26), о новом на земле, когда жена спасет мужа (Иер. 31:22), о заключении нового завета (Иер. 31:31): «Перед лицом отчаяния из-за молчания Бога провидцы Израиля в период изгнания указывали на возможность радикальной новизны. Это ожидание новизны развилось в полномасштабную эсхатологию Исаяи Третьего, который предсказал новое небо и новую землю, которые останутся навсегда, как и потомки и слава Израиля (Ис. 66:22). Надежда возлагалась на возможность новизны в будущем, когда "прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце" (Ис. 65:17)»².

Апокалиптическая литература развилась от потери надежды на то, что естественный ход исторического развития может привести к обретению политической независимости Иудеи и расцвету еврейского народа. Оставалась лишь надежда на спонтанное вмешательство Бога в историю, которое переломит ход исторических событий, вследствие чего старый испорченный мир уйдет в прошлое, а на его месте Господь воздвигнет новый мир, исправленный и совершенный. Скептические рассуждения автора Книги Екклезиаста не оставляют места для подобной надежды.

¹ *Seow C. L. Ecclesiastes: A New Translation with Introduction and Commentary. Bantam Doubleday Dell Publishing Group Inc., 1997. P. 116.*

² *Ibid. P. 117.*

Еккл. 1:9–11 в контексте древней ближневосточной литературы мудрости

В ряде древних памятников литературы мудрости можно встретить представление о том, что ушедшие эпохи были временем великих героев, великих свершений, были временем благоденствия, которое ныне утрачено. Против этого в порывах своего скептического настроения и восстает автор Книги Екклезиаста в отрывке Еккл. 1:9–11.

В древнем шумерском памятнике «Песнь древних властителей», текст которого восходит к XVIII–XVII веку, в 14–17 строках выражается мысль о том, что прошлое превосходит настоящее, что уже завершились великие героические времена, нет больше легендарных личностей: «(14) Где все эти цари, поводыри давних дней? (15) Они более не появляются, их более не рожают. (16) Как и дальние небеса, сможет ли моя рука достичь их? (17) Как глубокою преисподнюю, никто не постигнет их»¹. Слова Екклезиаста о том, что нет ничего нового под солнцем (Еккл. 1:9), а особенно о том, что прошлое не лучше настоящего («Не говори: почему прежние дни были лучше, чем эти (מֵאֲלֵהֶם מֵאֲלֵהֶמָּר מָה הָיָה שְׁהַיְמִים הָרְאשֻׁנִים הֵיוּ טוֹבִים (כִּי לֹא מִחֻקָּהּ שֶׁאֵלֶּה עַל-הָיָה)» (Еккл. 7:10)) можно считать отрезвляющим ответом на подобные утверждения².

Древнеегипетское произведение «Пророчество Неферти», создание которого относят к XIX–XVIII векам, также отражает грустный взгляд современности, которая противопоставляется благополучному прошлому и успешному будущему. Неферти описывает постигшие страну несчастья в выражениях, которые нередко близки к тексту Книги Екклезиаста. Он говорит о социальных потрясениях, о нарушении законности, о том, что богатые и знатные ста-

¹ *Alster Bendt. Wisdom of Ancient Sumer. Bethesda, Maryland: CDL Press, 2005. P. 300–305.*

² Подробнее о связи Книги Екклезиаста и «Песни древних властителей» см.: *Сергий (Акимов В. В.), архимандрит. Библийская Книга Екклезиаста и литература мудрости Древней Месопотамии. М.: Издательский дом «Познание»; Общецерковная аспирантура и докторантура; Православная энциклопедия, 2018. С. 108–116.*

нут бедными и угнетаемыми, а также о том, что у людей будут отнимать имущество, заработанное их собственными усилиями. С содроганием рассказывает Неферти о том, как в Египте воцарится беззаконие: «Погибнет страна. Будут устанавливаться законы, которые будут постоянно нарушаться деяниями (*3k t3 š3.tw r.f hp*)» (строка 46)¹.

Нарушение порядка, беззаконие будет иметь беспрецедентный и всеобщий характер: «Свершится то, что никогда не совершалось. День будет начинаться преступлением (*iryt m tmt-ir š3^c r^c m grg*); страна погибнет без остатка» (строки 22–23). Прошлое здесь предстает лучшим, чем ближайшее будущее – позиция, которой противостоит Екклезиаст в рассматриваемом отрывке. Следует однако заметить, что английские переводы предпочитают несколько иное прочтение данного фрагмента: того, что было создано прежде, уже нет, Ра должен творить все заново («What is to be done is no (longer) done, Re should begin to recreate»²; «What has been done as is what is not done. Re must begin the foundation (of the earth over again)»)³. Но даже и при таком переводе основная идея остается прежней: порядок, установленный в прошлом, будет нарушен настолько, что понадобится новый акт божественного творения. С другой стороны, подобное прочтение сближает 22–23 строки с позицией Екклезиаста: что делалось, то и будет делаться, как Бог творил мир ранее, так Он будет снова творить его. Намек на вечное творение видел в Еккл. 1:9–10 знаменитый александрийский учитель Церкви Ориген.

Ужасные бедствия, описываемые в египетском тексте, являются временным явлением. Для «Пророчества» харак-

¹ Цитаты приводятся по изданию: Пророчество Неферти / Перевод Н. С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 73–75; Хрестоматия по истории Древнего Востока. Часть I. М., 1980. С. 53–56; История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 47–50.

² The Prophecies of Noferti / Nili Shupak // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 107.

³ The Prophecy of Neferti / J. A. Wilson // Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969. P. 445.

терен в целом оптимистичный взгляд на мир, в котором правда и истина неизменно восторжествует. Невиданные прежде несчастья пройдут, порядок будет восстановлен: «Придет царь-южанин (*nswt pw r iyt n rsy*), Имени, право-гласный, его имя (*imny m3^c hrw rn.f*)» (строка 57). «Радуйтесь, люди его времени (*ršy rmt nt h3w.f*)! ... Правда придет на свое место (*iw m3^ct r iyt r st.s*), а неправда будет устранена (*isft dr.ti r rwtj*)» (строки 61, 69). В «Пророчестве» используется традиционное для египетской литературы противопоставление Маат и Исефет, правды и неправды. Время торжества неправды ограничено. Следует обратить внимание на то, что царь Египта Снефру, который призвал Неферти, характеризуется в 1 строке как «правогласный (*m3^c hrw*)». Это говорит о том, что его правление было временем торжества правды, Маат (*m3^ct*). Такую же характеристику получает в произведении и грядущий царь, который прекратит торжество беззакония¹. Так что тяжелая эпоха, красочно описываемая в «Пророчестве», – это только лишь один миг, хотя и очень неприятный миг, до и после которого в стране царит Маат.

Книга Екклезиаста, с одной стороны, опровергает идеализацию прошлого, утверждая, что на земле нет ничего абсолютно нового, что и в природе, и в жизни человеческого общества все повторяется, несчастья и бедствия всегда сопровождают жизнь человека, в жизни общества всегда была несправедливость. Для библейского автора ничто на земле не является абсолютно новым. С другой стороны, Книга Екклезиаста также выражает надежду на божественный суд. Оба автора имели четкое представление о праведности и справедливости, но Екклезиаст не видит ни в прошлом, ни в настоящем торжества правды. Идеализируя прошлое, Неферти яркими мазками изображает картину торжества правды в будущем. Екклезиаст, не признавая идеального прошлого, тем не менее ожидает торжество правды на будущем суде Бога, хотя и не ясно, о каком именно суде идет у него речь (Еккл. 3:15–17; 11:9; 12:14).

¹ Наименование фараона «правогласным» является традиционным для египетских текстов. Так, например, характеризуется и фараон из «Обличений поселянина».

Его надежда опирается исключительно на веру в благого и справедливого Бога. Книга Екклезиаста показывает, что эта вера не имеет никакой иной альтернативы, при которой человеческая жизнь и деятельность имела бы хоть какой-то смысл¹.

В древнеегипетских «Размышлениях Хахаперрасенеба со своим сердцем», относящихся, вероятно, к XIX веку, мы также встречаемся с описанием бедствий, которые автор характеризует как невиданные прежде. В третьей части «Размышлений» (verso 1–6) читаем такие слова: «Испытаний таких не было со времен предков. И от этого все молчат. Вся страна в великой заботе. Нет такого, кто не творил бы зла, – все совершают его. Сердца опечалены. Кто прежде повелевал, исполняет теперь приказания... Все зиждется на обмане. Утрачена правдивость речей»². Критикой этих слов вполне могут являться упомянутые выше высказывания Екклезиаста (Еккл. 1:9; 7:10). Основное содержание второй и третьей части, слова и выражения этих частей имеют явные параллели с другими древнеегипетскими памятниками – «Речениями Ипувера», «Пророчеством Неферти», «Обличениями поселянина», «Разговором разочарованного со своим Ба»³.

Кроме этого, автор «Размышлений» в первой части своего произведения (recto 2–9), которую можно считать своеобразным прологом, делает попытку высказать нечто

¹ Подробнее о связи Книги Екклезиаста и «Пророчества Неферти» см.: *Сергий (Акимов В.В.), архимандрит*. Библейская Книга Екклезиаста и литературные памятники Древнего Египта. М.: Издательский дом «Познание»; Общецерковная аспирантура и докторантура; Православная энциклопедия, 2018. С. 283–300.

² Размышления Хахаперрасенеба // Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза / Перевод М. А. Коростовцева. М., 1978. С. 219–221.

³ Указания на эти параллели можно видеть в примечаниях к тексту «Размышлений» в изданиях: *The Complaints of Khakheperresonb / Nili Shupak // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 104–106.*

Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto). Hildesheim, 1969 (Leipzig 1909). P. 96–110.

принципиально новое, что до него никто не высказывал, хочет освободить свою утробу от всего того, чем она полна, от мыслей и переживаний. Желание выразить что-то совершенно новое словно выступает против всей традиции литературы мудрости, основанной на опыте предшествующих поколений. «Сказанное – уже сказано, и нечего похвастаться последующим поколениям речениями предков своих. Не произносил еще **нового** говорящий, но он скажет его. А другой не добавит ничего своего к словам предков и только промолвит: «Вот что говорили некогда предки», – и никто не узнает, что он сам намеревался сказать. Поступающий так – ищет гибели своей, ибо ложь это все, и **не вспомнят** другие имени его», – заявляет Хахаперрасенёб (recto 3–6). Оригинальность мысли, по его мнению, сохраняет имя человека, высказавшего эту мысль, сохраняет память о человеке. Пролог, таким образом, выражает традиционные египетские религиозные представления, затрагивает проблему авторства литературных произведений, которая волновала древних египтян. По мнению М. А. Коростовцева, автор произведения находится в творческом поиске, он «хочет быть новатором в литературе, его не удовлетворяет обычное повторение уже много раз высказывавшихся истин, ставших банальными»¹.

Вместе с тем, если автор действительно ставил перед собой цель стать новатором в литературе, то дальнейший текст свидетельствует о неудаче, которая постигла автора при достижении поставленной цели. Автору не удалось стать совершенным новатором, поскольку стиль, литературные приемы, выражения его книги соответствуют целому ряду других литературных памятников.

С другой стороны, Р. Б. Паркинсон² считает, что автор на самом деле и не стремился быть новатором, способным найти совершенно новые слова для выражения своих мыслей. Автор изначально понимал, что такие слова найти не-

¹ Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 119.

² Parkinson R. B. Khakheperreseneb and Traditional Belles Lettres // Studies in Honor of William Kelly Simpson. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. P. 647–654.

возможно. Невозможность осуществления страстного желания автора, обозначенная в прологе, определила тон всего произведения, наполненного сетованиями. Заведомо неосуществимый замысел автора, выраженный в прологе, является не заявлением о настоящем намерении, а только лишь литературным приемом, который должен был настроить читателя на восприятие всего произведения, которое отчасти можно отнести к жанру плача.

Хахапаррасенеб близок к Екклезиасту и в этом осознании невозможности выразить в словах новое, то, что еще никто не выражал, и в признании неизбежного забвения имени человека (поскольку ничего нового, что обесмертило бы имя человека, человек не в силах высказать).

Затронутые древнеегипетские тексты можно использовать и при обсуждении выбора правильного варианта перевода еврейского слова דָּבָר в Еккл. 1:10a – «Бывает вещь (слово), о которой говорится (יש דָּבָר שִׁיאָמַר)...». Данный термин обычно переводят как «вещь, дело, нечто». В контексте начала первой главы Книги Екклезиаста и в контексте «Пророчества Неферти» этот перевод представляется правильным. Но если рассматривать Еккл. 1:10 в связи с первой частью «Размышлений», то вполне допустимо переводить דָּבָר как «слово». Здесь мы встречаемся с одним из многочисленных случаев игры слов, двусмысленных выражений Книги Екклезиаста, что, вероятно, было частью авторского замысла. К сожалению, подобного рода двусмысленные термины практически невозможно перевести на русский язык, при этом сохранив их двусмысленность¹.

Толкование Еккл. 1:9–11 в иудейской традиции

Иудейская традиция включает самый широкий спектр толкований, которые нередко далеко отходят от буквального прочтения рассматриваемого отрывка.

¹ Подробнее о связи Книги Екклезиаста и «Размышлений Хахапаррасенеба» см.: *Сергий (Акимов В. В.), архимандрит. Библейская Книга Екклезиаста и литературные памятники Древнего Египта. С. 219–242.*

Таргум передает общий смысл 9 стиха первой главы: «Что было раньше, то будет и потом, и что происходило раньше, то будет происходить и до скончания века, и нет ничего нового под солнцем». Комментарий Сфорно также следует буквальному прочтению: «Что было, то и будет – достойно удивления то, что Отделенная Сущность повелевает всему в природе вечно повторяться без всякого изменения»¹.

В толковании Раши указанное место приобретает дополнительный смысл, Раши противопоставляет неизменность мироздания и постоянную новизну Торы, сравнивая Тору с солнцем: «*Что было, то и будет, и что творилось...* Во всем, что он познает вместо «солнца» [имеется в виду изучение Торы], нет ничего нового, ведь он сможет обнаружить только то, что было создано в шесть дней творения; но постигающий Тору всегда находит в ней новый смысл. Подобно сказанному: «Пусть груди ее напоят тебя во всякое время» (Мишлей 5:19), – слова Торы подобно груди, принимая к которой, младенец каждый раз находит в ней находит вкус [Прим.: Слово «таам» обозначает как «смысл», так и «вкус»]. То же мы сможем найти в трактате «Хагига», (где говорится) о том, что рабби Элиэзер бен Горкенос, обсуждая тему «деяния колесницы» [Прим.: Так называют отрывок из книги Йехезкеля (гл. 1), описывающий «колесницу Всевышнего». В более широком смысле подразумеваются тайны строения мира и управления им], говорил вещи, которых никто до сих пор не слышал»².

Иными словами, по мнению Раши, глубина Торы неизмерима, поэтому каждый человек может находить в ней нечто совершенно новое для себя. В примечании к комментарию Раши в издании «Свиток Когелет» говорится, что внимающий Торе находит в ней «что-то новое, не открытое и неизведанное до сих пор. У каждого есть своя частичка в Торе, доступная и открытая только для него. Поэтому, изучая отрывок, который уже исследовало мно-

¹ Свиток Когелет / перевод с древнееврейского и комментарий под ред. Мордехая Гринберга. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2017. С. 44

² Там же. С. 44

жество поколений, человек может открыть в нем что-то новое для себя и для окружающих, ибо глубина Горы неизмерима»¹. Каждый человек может усматривать в строках библейских книг те или иные обстоятельства, характерные для его жизни, совпадающие с его конкретной жизненной ситуацией, может находить в этих строках руководство к действию, утешение и вдохновение. Подобным образом в разных исторических обстоятельствах (в VI веке, в римскую эпоху, на рубеже XIX–XX столетий) каждый раз по-новому проходило осмысление повествования Шестикнижия о потере и обретении Земли.

Сборный комментарий Пшат отражает целый спектр толкований, которые также несколько уходят в сторону от ближайшего смысла текста:

– неизменность материального мира проистекает от неизменности духовного мира (*«Что было, то и будет, и что творилось... Высшие существа (духовные силы, движущие миром и природой) созданы и остаются неизменными; и законы, властвующие над мирозданием, остаются непоколебимыми. А поскольку мир высших сил остается таким же, как в момент создания, то и нижний, бренный мир сохраняет свое лицо, изменяясь лишь в частности (Ибн Эзра)»*);

– если бы в мире начало происходить что-то новое, это бы свидетельствовало о несовершенстве созданного Им творения (*«Все, что Всевышний постановил в шесть дней Творения, продолжает действовать так же, как в начале. Ведь если бы в мире было что-нибудь принципиально новое, получилось бы, что созданное Им несовершенным (Седер га-йом)»*);

– в мире нет ничего нового, потому что корни любого новшества изначально заложены Творцом в Его творении (*«Все, что кажется новым, на самом деле изначально было задумано абсолютной мудростью Всевышнего, который заложил в Творение источник всех будущих открытий и новшеств. Поэтому любое изобретение является новшеством только на первый взгляд, но корни его были изначально заложены в Творение (р. Саадья Гаон)»*);

¹ Там же.

– первая половина стиха указывает на неизменность Творца, а вторая – на восстановление мира после его разрушения («*Ибн Яхья* считает, что первая часть стиха относится ко Всевышнему: «Что было» – сущность Всевышнего, которая была и до Творения; «то и будет», как сказано: «Я первый и я последний» (*Йешаягу*, 44:6). Вторая часть относится к Творению: «И что творилось, то и будет твориться» – речь идет о том, что мир обновляется, и в конце концов он будет разрушен, а потом вновь отстроен, как сказали мудрецы: «Шесть тысяч лет мир будет существовать, и одну тысячу будет разрушен» (ВТ Рош га-шана, 31а)»);

– стих указывает на неизменность заповедей Моисея («Здесь также содержится намек на то, что ни один пророк не имеет права добавить или убавить ни одной буквы в Торе, переданной нам Моше. Гематрия слов «ма шегая» (что было) равна количеству запрещающих заповедей Торы – 365. А слова «что творилось, то и будет твориться» намекают на неизменность количества предписывающих заповедей (248). (Сборник Меам лозэ по Йегошуа раба)»¹).

10 стих первой главы Таргум также передает без смысловых дополнений: «Есть нечто, о чем говорят: «Смотри, это новое!» Но оно уже было прежде, в прошлых поколениях». Этому же пути следует и Раши, комментируя 10 стих в контексте следующего, 11 стиха: «*Порой* появляется «под солнцем» вещь, о которой кто-то может сказать тебе: «Смотри, это нечто новое!» Но (на самом деле) это не ново и уже было в эпохах, предшествующей нашей, только «нет памяти о прежних поколениях», поэтому и кажется новым»².

Сборный комментарий Драш относит 10 стих к данной Моисею Торе, комментарии к которой не могут привнести в Тору ничего нового, чуждого ей: «Сказал рабби Йегошуа бен Леви: Писание и Мишна, законы и Тосефты, истории и (даже) то, что в будущем постановит опытный ученик, уже было дано Моше на горе Синай. Откуда мы это знаем? Из сказанного: «Бывает, скажут о чем-то: «Гля-

¹ Там же.

² Там же. С. 45

ди, это новое!», – ведь в продолжение сказано: «А уже было оно в веках» (т. е. всегда, и речь идет о Торе). [Ведь все души присутствовали у горы Синай и там получили свою часть в Торе, которая была целиком произнесена Моше, выходит, что все, что в будущем скажет или постановит ученик, уже было сказано Моше]. И если слышишь слова Торы из уст мудреца, воспринимай их так, как будто слышишь их непосредственно с горы Синай (Когелет Раба, 1:29 и комм. Йедей Моше к нему)»¹.

11 стих Таргум связывает с мессианской эпохой, в которой наступит всеобщее забвение прошлого: «И никто не вспомнит прошлые поколения, и грядущие поколения никто не вспомнит – во времена поколения, которое будет жить в дни царя-Машиаха»².

Комментарий Раши привлекает мидраш, где забвение связывается с противниками Израиля: *«и о тех, которые будут. После нас не останется памяти у тех, что будут в поколениях после них. А мидраш [Когелет раба, 1:30] относит этот стих к стиранию памяти об Амалеке и его окончательному уничтожению, как сказано: «И не останется следа от дома Эсава» (Овадья, 1:18)»*³.

Сборный комментарий Пшат включает как толкования, которые рассматривают 11 стих в контексте общей темы тщетности («Нет памяти о (прежних) поколениях, ведь они исчезли и больше не существуют. И схожая судьба ожидает поколения наших детей и внуков, ведь «поколение приходит и поколение уходит», и потому – все тщета. (р. Йосеф Кара)», «Ведь на смену ушедшему поколению приходит новое, и мир не пустеет. И нет памяти поколениям отцов, ведь сыновья заступают на их место (Седер га-йом)»), так и толкования, подчеркивающие идею воздаяния грешникам, память о которых исчезает («Нет памяти. Память о злодее стирается с лица земли. В отличие от него, память о праведнике остается вечно, ведь он оставляет после себя большое духовное наследство. Как сказано (Мишлей, 10:7): «Память праведника благословенна, а имя

¹ Там же.

² Там же. С. 46

³ Там же.

нечестивых сгинет» (Тув таам))» или важность следования неизменной и вечной божественной воле («Все частности – лишь средство для достижения цели, и потому они не остаются в памяти. И те, что придут, тоже забудутся, ибо они второстепенны по отношению к основной цели – исполнению воли Всевышнего (Лев хахам))»¹.

Толкование Еккл. 1:9–11 в древней христианской традиции

Древние церковные толкователи также нередко изымали слова Екклесиаста из ближайшего контекста, используя их в актуальной для своего времени полемике или употребляя их в качестве элемента определенной концепции. Так поступал, например, знаменитый александрийский учитель Церкви Ориген, который видел в Еккл. 1:9–10 одно из оснований своего учения о вечном творении:

«Нам кажется, что именно таким способом мы, может быть, мыслим о Боге благочестиво, сообразуясь с нашей немощью, чтобы не назвать творение нерожденным и совечным Богу, или наоборот, чтобы не говорить о том, что Бог в начале не творил ничего благого, но лишь потом Он обратился к тому, чтобы его творить. Действительно, истинно суть слово Писания: «Все премудростию Ты сотворил» (Пс. 103:24). И если все сотворено было через Премудрость и Бог существовал всегда с Премудростью, то в Премудрости согласно предизображению и предначертанию то, что позже обрело субстанциальное существование. Я думаю, это имеет в виду Соломон в Екклесиасте: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но /это/ было уже в веках, бывших прежде нас (Еккл. 1:9–10). Итак, если единичные вещи, что суть под солнцем, уже существовали в «веках, которые были прежде нас», ибо «нет ничего нового под солнцем», то, без сомнения, всегда существовали роды, виды, а может быть, и единичные вещи, ведь оказывается совершенно справедливым, что Бог никогда не начинал быть творцом, будто Он не был им прежде»².

¹ Там же.

² *Ориген*. О началах. 1, 4, 5 // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I – VIII веков. Ветхий Завет. Том IX: Притчи Соломона, Книга Екклесиаста, Песнь Песней / Пер. с англ., греч., лат., копт. и сир. Под редакцией Дж. Роберта Райта / Русское издание под редакцией Д. С. Бирюкова. Тверь: Герменевтика, 2012. С. 206.

Этот же церковный учитель привлекал Еккл. 1:9–10 и для обоснования учения о последовательном круговращении миров:

«Но обыкновенно нам возражают и говорят следующее. Если мир начал существовать с известного времени, то что делал Бог до начала мира? Ведь нечестиво и вместе с тем нелепо называть природу Божью праздною или неподвижною, или думать, что благодать некогда не благодетельствовала, и всемогущество когда-то (ни над чем) не имело власти. Так обыкновенно возражают нам, когда мы говорим, что этот мир получил начало во времени, и даже, на основании свидетельства Писания, вычисляем лета его существования. И я не думаю, чтобы на эти возражения легко мог ответить кто-нибудь из еретиков с точки зрения своего учения. Мы же ответим последовательно, сохраняя правила благочестия: мы скажем, что Бог впервые начал действовать не тогда, когда сотворил этот видимый мир; но мы верим, что как после разрушения этого мира будет иной мир, так и прежде существования этого мира были иные миры. То и другое мы подтвердим авторитетом божественного Писания. Что будет иной мир после этого мира, об этом учит Исая, говоря: «новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь» (Ис. 66:22). А что до этого мира были иные миры, это показывает Екклесиаст, говоря: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9–10). Эти свидетельства доказывают то и другое вместе, т. е. что века были прежде (этого мира) и будут после (него). Однако не должно думать, что многие миры существуют вместе, но другие миры получают начало после этого мира, о чем теперь нет нужды говорить подробно, так как мы уже сделали это выше»¹.

Учение Оригена о круговращении миров с опорой на Книгу Екклесиаста подвергалось критике со стороны Августина Иппонского, который в своей книге «О граде Божием» полемизировал и с античной концепцией циклического развития истории в целом. В главе XIII «О кругообращении веков, образующих собою известные периоды, в которые, по мнению некоторых философов, все возвращается к тому же порядку и в том же виде» он писал, отстаивая неповторимость истории Боговоплощения:

«Философы этого мира полагали, что можно или должно решить этот спор не иначе, как допустив кругообращения времен, в которые одно и то же постоянно возобновляется и повторяется в

¹ *Ориген. О началах 3:5:3. СПб.: Амфора, 2000. С. 281–282.*

природе вещей, и утверждали, что и впоследствии беспрерывно будут совершаться кругообращения наступающих и проходящих веков, будут ли это кругообращения в мире постоянно пребывающем, или он, возрождаясь и погибая через известные промежутки, будет всегда представлять в виде нового то, что уже прежде было и что будет опять. Это – насмешка над бессмертной душой, и вывести ее из унижительного состояния даже в том случае, если она достигла мудрости, они решительно не могут: потому что она постоянно стремится к мнимому блаженству, но беспрестанно возвращается к истинному несчастью. ... Некоторые полагают, будто бы и то, что написано в первой главе книги Соломона, называемой Екклесиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9–10), сказано об этих кругообращениях, возвращающихся и восстанавливающих все в одном и том же виде. Но он сказал это или о том, о чем говорил выше, то есть о поколениях, из которых одни проходят, другие приходят, о круговых движениях солнца, о течениях рек или, пожалуй, о родах всех вещей, которые появляются и исчезают. Были, например, люди и прежде нас, существуют они и вместе с нами, будут и после нас; так же точно те или другие животные и деревья. Самые чрезвычайные явления, выходящие из ряда обыкновенных, хотя отличаются одни от других и о некоторых рассказывается, что они были только один раз, насколько они вообще чудесны и необычайны, непременно и прежде были и будут; ничего нового и небывалого не представляет собой то, что чрезвычайные явления бывают под солнцем. Некоторые, впрочем, толковали эти слова в том смысле, будто Премудрый хотел дать понять, что уже все было сделано в предопределении Божиим и потому ничто не ново под солнцем. Во всяком случае, с правую верой несовместима мысль, будто этими словами Соломон обозначил те кругообращения, которые, по их мнению, повторяют те же самые времена и те же самые временные вещи так, что, например, как в известный век философ Платон учил учеников в городе Афинах в школе, называвшейся Академией, так и за несметное число веков прежде через весьма обширные, но определенные периоды, повторялись тот же Платон, тот же город, та же школа и те же ученики; и впоследствии, по прошествии бесчисленных веков, снова должны повториться. Чуждо, говорю, это нашей вере. Ибо Христос однажды умер за грехи наши; восстав же, «уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6:9); и мы по воскресении «всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:17), Которому одному только мы говорим то, что внушается в священном псалме: «Ты, Господи, сохранишь их, соблюдешь от рода сего вовек» (Пс. 11:8)¹.

¹ *Блаженный Августин*. О граде Божием в двадцати двух книгах. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского мона-

Таким образом, Августин Иппонский настаивал на необходимости следованию общему контексту при толковании Еккл. 1:9–10. Этот контекст указывает на природные круговращения.

Иероним Стридонский также при объяснении Еккл. 1:9 опирался на упоминаемые в начале первой главе природные круговращения, но он также указывал на то, что отсутствие новизны в сотворенном мире есть проявление совершенства Творца:

«Мне кажется, что о том, что исчислил выше, – о прохождении родов, о стоянии земли, восходе и заходе солнца, течении рек, обширности океана и обо всем, что узнаем мы мыслию, или зрением, или слухом, теперь он говорит вообще, что нет ничего в природе вещей, чего бы не было прежде. Ибо от начала мира и люди рождались и умирали, и земля стояла, повешенная на водах, и восходившее солнце заходило; чтобы не упоминать о слишком многом, Богом Творцам давалось и птицам летать, и рыбам плавать, и животным земным ходить, и ползающим пресмыкаться. Нечто подобное сей мысли высказал и комический поэт: «Ничего не сказано, чего не было б сказано прежде». Поэтому учитель мой Донат, когда объяснял этот стихок, говорил: *да погибнут те, кои прежде нас сказали наше*. Если в области слова не может быть сказано ничего нового, то тем более ничего не может быть нового в порядке мира, который от начала так совершен, что Бог в день седьмой почил от дел Своих»¹.

В словах 10 стиха о том, что все, что есть, уже было прежде, Иероним Стридонский видит указание на божественное предвидение, подчеркивая, как и Августин, уникальность священных событий новозаветной истории:

«Ст. 10 *Есть ли слово, о котором бы можно было сказать: смотри, вот это новое: оно было уже в веках, бывших прежде нас*. Симмах перевел это яснее: *думаешь ли, что есть, кто мог бы сказать: смотри, вот это новое, но оно уже было в веке, бывшем прежде нас*. Это согласно с предыдущим – что в мире не бывает ничего нового и нет никого, кто мог бы существовать и сказать: «вот это новое», потому что все, что бы он ни считал возможным указать как на новое, уже было в прежние века. Но мы не должны думать, что и знамения, и чудеса, и многое другое, что изволением Божиим совершается в мире вновь, уже было в прежние века, и что прав Эпикур, утверждающий, что в продолжение бесчисленного множества

стыря. М., 1994. Книга 12, глава 13. С. 256–258.

¹ *Иероним Стридонский*. Толкование на Книгу Екклесиаст, к Павле и Евстохии // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 6. Киев, 1880. С. 10.

периодов совершается одно и то же в тех же местах и чрез тех же деятелей. В таком случае и Иуда много раз был предателем, и Христос часто страдал за нас и все прочее совершившееся и будущее будет подобным же образом повторяться в те же периоды. Но то следует признавать, что в предвидении и предопределении Божиим уже совершилось то, что имеет совершиться»¹.

Всеобщее забвение, о котором говорится в 11 стихе, Иероним связывает с исполнением первых слов Книги Екклесиаста о суете сует. Прошедшее и будущее будут забыты, «и Серафимы потому закрывают лице свое и ноги, что первое и последнее закрыто. А применительно к переводу Семидесяти толковников, которые поставили: «нет памяти первым, и последним, которые будут, не будет им памяти с теми, кои будут в последнее время», – по Евангелию смысл тот, что первые в сем веке будут последними (Мф. 20:16)»².

Григорий Неокесарийский в «Переложении Екклесиаста» связывает рассматриваемый отрывок не с природными круговращениями, а с человеческой деятельностью, с жизненным опытом прошлых поколений, который забывается по причине отсутствия в нем новизны:

«Что может произойти в последствии, что уже не было бы совершено или сделано со стороны людей? Что есть нового, что еще никогда не было бы известно по опыту, о чем достойно было бы и помнить? Я же думаю, что нет ничего, о чем можно было бы сказать что-нибудь свежее, или же, сравнивши, найти новое, совершенно неизвестное древним. Но подобно тому, как прошлое покрыто забвением, так и настоящее для тех, кто будет после, затемнится от времени»³.

Григорий Нисский в «Точном истолковании Екклесиаста» в своих рассуждениях на слова Еккл. 1:9–11 отходит от буквального толкования, опирающегося на общий контекст. Комментируя Еккл. 1:9а, он упоминает тему суеты, но при этом идет дальше, глядя в эсхатологическую перспективу, усматривая в *прошлом* указание на состояние

¹ Там же. С. 11

² Там же. С. 12.

³ Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Переложение Екклесиаста // Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского / перевод Н. Сагарды. Петроград, 1916. С. 62–63.

человека до грехопадения, а в *будущем* – возвращение первоначальной чистоты путем добродетели:

«Екклесиаст сам себя спрашивает, и сам себе отвечает. Ибо спросив: *что было?*», говорит: *тоже есть, еже будет*, и еще спросив: *что было сотвореное?*, отвечает: *тоже иметь сотворитися* (Еккл. 1:9). Итак к чему же этот вопрос? В следствие того, что дозвано нами, возражаем и говорим ему: «если все это суета, то, очевидно, из того, что не состоялось, ничего и не было; а суетное, без сомнения, несостоятельно, и несостоятельного никто не почтет бывшим». Если же это не так; то скажи: что есть бывшее, или что остается в бытии? Посему, краткий у него ответ на этот вопрос. Угодно тебе знать, что такое бывшее? Размысли, что такое будущее, и узнаешь, что было. А это значит: размысли, прошу тебя, человек, каким сделаешься, возвысив себя добродетелию, если во всем добрыми чертами отличишь душу, если соделаешься чистым от пятен порока, если смеешь с естества своего всю нечистоту вещественных скверн; чем будешь в таковых украшениях, какой примешь на себя образ? Если вникнешь в это рассудком; то изучил ты бывшее первоначально по образу и подобию Божию. Спрашиваю при этом учащего: где теперь то, что некогда было, и о чем есть надежда, иметь это в последствии, но чего теперь нет? Без сомнения, преподающий нам высокие уроки, ответит тем же словом; потому-то настоящее и названо суетою, что оно не в настоящем»¹.

Обращая внимание на два параллельные высказывания в 9 стихе, Григорий Нисский видит в них указание на различие души и тела и указание на очищение души и воскресение тела, то есть на возвращение в первоначальное состояние:

«И «что было сотвореное, – говорит Екклесиаст, – тоже иметь сотворитися» (Еккл. 1:9). Никто из слушающих да не признает многословия и какого-то напрасного повторения слов в различении того, что было и что сотворено. Ибо слово каждым из сих речений показывает различие души от плоти. Душа была [точнее: стала], а тело сотворено. Не потому, что сила сих речений выражает что либо не одно и тоже, но чтобы дать возможность заключать о каждом из означаемых, что следует, слово употребило сие различие речений о душе и теле. Душа первоначально была тем, чем снова окажется в последствии по очищении, и тело, созданное Божиими руками, сотворено тем, чем в надлежащие времена покажет его воскресение. Ибо каким всегда будешь видеть его по воскресении, таким, конечно,

¹ Творения святого Григория Нисского. Часть 2. М.: Типография В. Готье, 1861. С. 221–222.

сотворено и первоначально; потому что воскресение есть не иное что, как, без сомнения, восстановление в первобытное состояние»¹.

В этом же смысле понимает Григорий Нисский и 10 стих – все настоящее, подлинно существующее связано только с первоначальным, первобытным, чистым состоянием человека:

«Говорит: «ничтоже ново под солнцем» (Еккл. 1:10). А сим как бы сказал он: если что не по первобытному, то вовсе этого нет, а только почитается имеющим бытие. Ибо «ничтоже, – говорит Екклезиаст, – ново под солнцем» (Еккл. 1:10), так что мог бы кто сказать и указать на что либо совершающееся: «это ново, и действительно состоялось». Таков смысл сказанного, читается же сие так: «и ничтоже ново под солнцем, иже возглаголет, и речет: се, сие ново есть» (Еккл. 1:10). И защищает сказанное в последующем, говоря: если что действительно произошло, оно тоже, что было в предшествовавшие нам века. Сию мысль показывают самые речения Писания, читаемые так: «уже бысть в вещех бывших прежде нас» (Еккл. 1:10)»².

Стих 11, по рассуждению Григория Нисского, продолжает мысль о подлинном бытии. После грехопадения забвению было предано все доброе прошлое, но при восстановлении доброго забвение постигнет все злое:

«Если же овладело нами забвение того, что было; то не дивись сему. Ибо и то, что ныне, предается забвению. Когда естество уклонилося в порок; тогда забыли мы доброе. Но когда настанет для нас возвращение к доброму; тогда снова покроется забвением худое. Ибо сей, думаю, смысл заключается в сказанном, когда Екклезиаст говорит: «несть память первых, и последним бывшим не будет их память» (Еккл. 1:11). Он как бы так сказал: память о том, что было по первоначальном благоденствии, и от чего человечество стало погруженным в зло, изгладит то, что по прошествии долгого времени произойдет на последок. Ибо не будет памяти о сем по совершившемся напоследок; то есть, всецелое уничтожение памятования зол соделано для естества последним восстановлением о Христе Иисусе. Ему слава и держава, во веки веков! Аминь»³.

Рассмотренные толкования христианских авторов можно представить с следующей таблицей:

<i>Ориген</i>	<i>Августин Иппонский</i>	<i>Иероним Стридонский</i>	<i>Григорий Неокесарийский</i>	<i>Григорий Нисский</i>
---------------	---------------------------	----------------------------	--------------------------------	-------------------------

¹ Там же. С. 222–223.

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 223–224.

<p>Еккл. 1:9-10 – 1) Бог всегда был Творцом (О началах. 1, 4, 5); 2) до этого мира были иные миры (О началах 3:5:3)</p>	<p>Еккл. 1:9-10 – 1) не о круговращении миров, а о природных круговращениях (О граде Божиим 12:13); 2) <i>Боговоплощение и спасение неповторимы</i> (О граде Божиим 12:13); 3) мнение «некоторых толкователей» – все уже было «сделано в <u>предопределении</u> Божиим и потому ничто не ново под солнцем» (О граде Божиим 12:13)</p>	<p>1) Еккл. 1:9 – о порядке мира, о природных круговращениях; 2) Еккл. 1:9 – отсутствие новизны в сотворенном мире есть проявление совершенства Творца; 3) Еккл. 1:10 – <i>события новозаветной истории уникальны</i>; 4) Еккл. 1:10 – «следует признать, что в предведении и <u>предопределении</u> Божиим уже совершилось то, что имеет совершиться»; 5) Еккл. 1:11 – забвение происходит вследствие суесть; 6) Еккл. 1:11 – «первые в сем веке будут последними»</p>	<p>Все постигает забвение, потому что в <u>жизни людей нет ничего нового, достойного памяти</u>: «Что есть нового, что еще никогда не было бы известно по опыту, о чем достойно было бы и помнить?»</p>	<p>1) Еккл. 1:9 – все, что есть – <u>суетно, а потому его нельзя считать настоящим</u>; 2) Еккл. 1:9 – намек на бессмертную душу, которая буде очищена («что было...»), и на тело («что делалось...»), которое ожидает воскресение; 3) Еккл. 1:10 – подлинное бытие связано только с первобытным, первоначальным, чистым состоянием человека; 4) Еккл. 1:11 – после грехопадения забвению было предано все доброе прошлое, но при восстановлении доброго забвение постигнет все злое.</p>
---	--	--	---	---

Анализ наиболее известных древних христианских толкований рассматриваемого места Книги Екклезиаста показывает, что согласие во взглядах некоторых авторов этих толкований можно найти в понимании связанного с контекстом ближайшего смысла отрывка, в мысли о том, что отсутствие новизны может проистекать от предопределения Божия, в котором предначертаны будущие события,

а также в провозглашении неповторимости священной истории Нового Завета.

В Книге Екклесиаста присутствует своего рода диалектика *нового* и *старого*. В ней мы имеем дело не столько с противопоставлением, сколько с процессом прорастания *нового* на почве *старого*. Подобно тому, в Новом Завете новая заповедь о любви («Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13:34)) не является абсолютно новой заповедью, а переосмыслением *старой* заповеди о любви, данной еще в Ветхом Завете (Лев. 19:18).

В самой Книге Екклесиаста мы видим постоянное повторение ранее сказанного. Однако на каждом новом витке рассуждений уже знакомые *старые* высказывания приобретают новый смысловой оттенок. *Новое* не отторгает *старое*, но позволяет находить в *старом* новые грани.

Это же касается и использования в Книге Екклесиаста материала, общего для всей древней ближневосточной традиции мудрости. Известный *старый* материал используется для построения *новых* рассуждений, для обозначения *новых* проблем, на которые прежде в рамках библейского откровения почти не обращалось внимания.

Литература:

1. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
2. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2013.
3. Библия. Современный русский перевод. Учебное издание / Пер. с древнеевр., араб. и древнегреч. М.: Росийское Библейское общество, 2017.
4. *Блаженный Августин*. О граде Божием в двадцати двух книгах. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1994.
5. *Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский*. Переложение Екклесиаста // Творения святого Григория

- Чудотворца, епископа Неокесарийского / перевод Н. Сагарды. Петроград, 1916.
6. *Иероним Стридонский*. Толкование на Книгу Екклесиаст, к Павле и Евстохии // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 6. Киев, 1880.
 7. *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. СПб., 2001.
 8. *Ориген*. О началах. 1, 4, 5 // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I – VIII веков. Ветхий Завет. Том IX: Притчи Соломона, Книга Екклесиаста, Песнь Песней / Пер. с англ., греч., лат., копт. и сир. Под редакцией Дж. Роберта Райта / Русское издание под редакцией Д. С. Бирюкова. Тверь: Герменевтика, 2012.
 9. *Ориген*. О началах. Санкт-Петербург : Амфора, 2000.
 10. Пророчество Неферти / Перевод Н. С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 73–75.
 11. Размышления Хахаперрасенеба // Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза / Перевод М. А. Коростовцева. М., 1978. С. 219–221.
 12. Свиток Когелет / перевод с древнееврейского и комментарий под ред. Мордехая Гринберга. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2017.
 13. *Сергий (Акимов В.В.), архимандрит*. Библейская Книга Екклесиаста и литературные памятники Древнего Египта. М. : Издательский дом «Познание»; Общецерковная аспирантура и докторантура; Православная энциклопедия, 2018.
 14. *Сергий (Акимов В. В.), архимандрит*. Библейская Книга Екклесиаста и литература мудрости Древней Месопотамии. М. : Издательский дом «Познание»; Общецерковная аспирантура и докторантура; Православная энциклопедия, 2018.
 15. Творения святого Григория Нисского. Часть 2. М.: Типография В. Готье, 1861.
 16. *Alster Bendt*. Wisdom of Ancient Sumer. Bethesda, Maryland: CDL Press, 2005.

17. *Gardiner A. H.* The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto). Hildesheim, 1969 (Leipzig 1909).
18. *Parkinson R. B.* Khakheperreseneb and Traditional Belles Lettres // Studies in Honor of William Kelly Simpson. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. P. 647–654.
19. *Seow C. L.* Ecclesiastes: A New Translation with Introduction and Commentary. Bantam Doubleday Dell Publishing Group Inc., 1997.
20. The Complaints of Khakheperre-sonb / Nili Shupak // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 104–106.
21. The Prophecies of Noferti / Nili Shupak // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003.
22. The Prophecy of Neferti / J. A. Wilson // Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969.

Archimandrite Sergius (Vitaly Viktorovich Akimov)

“There is Nothing New under the Sun”: the Problem of Interpretation of Eccl. 1:9–11

The article examines the passage Eccl. 1:9–11, which emphasizes that nothing new is happening in the world. This passage reflects the skeptical mood of Ecclesiastes and is considered in the context of the Book of Ecclesiastes, the history of the Babylonian captivity, as well as in the context of the ancient Wisdom literature. The author also analyzes the Christian and Jewish tradition of interpretation of Eccl. 1:9–11.

Keywords: Book of Ecclesiastes, Wisdom Literature, Bible translation, Judaica, biblical exegesis, Babylonian captivity.

Archimandrite Sergius (Vitaly Viktorovich Akimov) – Doctor of Theology, Rector of the Minsk Theological Academy, Professor of Ss Cyril and Methodius Institute of Post-graduate Studies (luhot_ru@mail.ru).